

В СЕ ГОРОДА мира прекрасны, и я не сомневаюсь ни минуты, что луч лунного света может превратить Мобёж¹ в песню. Все города мира прекрасны, а я повидал их немало во времена капризных превращений моего изгнания и в беспорядке моих несвязных стихов.

Мне никогда не пересказать, не передать до конца Экс-ан-Прованс в день моего последнего экзамена, говор фонтанов и камни, согретые теплом своих долгих воспоминаний. Или Лозанну,

БАЛЛАДА НА ТРЕХ НОТАХ

Р А С С К А З

МАЛЕК ХАДДАД

всю в складках мудрости, строгого лиризма, целомудренного беспорядка, и ее чаек, поведавших мне свои тайны. Я вновь вижу Нью-Дели, его коров, убежденных в своей божественности, его царственных воронов в небе, до которого, кажется, можно достать рукой. Мне не забыть искusstвенный цвет Токио, бумажные весны молчаливых вишневых садов и ужасающее безмолвие, парящее над самым большим муравейником мира. Я знаю Дамаск, весь пронизанный благородством и изнемогающий в преддверии песков, когда сирийская ночь походит на легенду о самой себе. В снежном вихре над Москвой мне слышались стихи Пушкина, и звезда над Кремлем была красная, такая, какой она осталась в моей памяти по книгам школьных лет.

Малек Хаддад (род. в 1927 году) — известный современный алжирский поэт и прозаик, автор романов «Последнее впечатление», «Я подарю тебе газель» и нескольких сборников стихотворений. Перевод рассказа «Баллада на трех нотах», опубликованного в алжирском журнале «Новамбр», печатается с некоторыми сокращениями.

¹ Мобёж — город во Франции. Существует популярная французская песня «Лунный свет в Мобёже».

Жасмины Туниса и Сиди-Бу-Саида, я не могу говорить о них. Я помню лето и проволочные заграждения под высоким напряжением в двух шагах от меня. И совсем рядом была Бизерта. Но Карфаген поведал мне, чем кончают завоеватели.

Я вынес из своих путешествий чувство утешения: повсюду человек хочет жить, повсюду речь идет о голубе и свободе, и повсюду, даже в самой глубокой нищете и скорби, человек хочет создавать прекрасное. Он украшает свою недолговечность вечностью. Я не знаю ничего более убедительного, более оптимистичного, чем города, которые красуются в веках, пагоды, соборы или мечети, мосты, переброшенные через реку и через стремнину времени на другой его берег.

Река — это гениальный мастер. Будь то Нил, Сена или Рюммель², это всегда поток, подобный человеческой речи. Она течет, вытекает, вечно повторяется, она гложет, и неистовствует, и воркует. Расстилается и свивается в свиток непреходящего, умирает и рождается вновь. Река — это память Человека.

Каир, я видел Каир и его солнце, от которого нет спасенья. Я растворяюсь в этом городе всем своим существом. Он делает меня свободным, почти что самим собой. Ни один город в мире, кроме Константины, не вызывал у меня такого чувства родственной близости и гордости. Мне понятен этот белый, застывший, неподвижный свет, и эти тени, которые не поддаются солнцу, и эта ночь, которая, кажется, никогда не кончится. В Каире часы не меняются — просто меняется декорация, меняются сцены, и наши глаза не дивятся больше этим вечно новым чудесам. Я доверился Нилу. Арабское слово, жаркое, словно след на песчаных дюнах.

У меня не было никакого чувства открытия. Я знал этот город, я возвращался к себе домой. Никто не стучится в дверь своего жилища. За десятки километров от родной страны мое изгнание кончилось. Я находился в глубине огромного сада, моего сада, большого арабского сада. Каир — это столица! Радостно шел я по вновь обретенным дорогам. Я мог назвать каждую пальму, каждую излучину реки. Я бросил рассеянный взгляд на пирамиды — кто останавливается, чтобы созерцать знакомое зрелище? Сердце, совсем юное, сердце, совсем старое! От Набережной на берегу вод до запутанных улочек на берегу Истории, от Пирамид, что ничему не удивляются, до Башни, которую охраняет орел, вырастает огромная идея терпения, доброты, вызова и ожидания. Каир сознает свое благородство и понимает суровое добродушие хранителей музеев, которых сокровища, ими охраняемые, как бы приобщают к сонму избранных. Нельзя безнаказанно жить в самом шедевре, вас неизбежно озаряет орел его сияния, и вы невольно предаетесь самообожанию.

Я не путешественник, я — странник, я перечитываю поэму, которую, может быть, написал я, а может быть, нашептал мне ветер. Я совершаю обход древней мечети, я иду, как хозяин. Повсюду я у себя дома — у подножия минарета, в преддверии песков. Каир — это победа над песками,

² Рюммель — река в Алжире, на которой стоит город Константина.

над абсурдом. Человек несет караул — вдохновенный часовой на краю пустыни. Он еще более велик и более могуществен, чем пустыня. Божья длань простерта над ним, и величественное достигаемое своего высшего выражения. Оно раздвигает тесные пределы музыки, оно перемещает границы воображения. У подножия Пирамид, этого безумного каприза царской предусмотрительности, Каир покорил вечность.

Песчинка. Песчинка веков. Музыка, безупречность, вызов.

* * *

Париж — это по другую сторону Каира. Это день и ночь. А я люблю день, и я люблю ночь. Все шедевры принадлежат как бы к одной семье, а между тем сравнивать их было бы заблуждением. Париж — это нечто, это кто-то, важный Господин, важная Дама. Это как раз то, что надо. И если бы я мог выбирать, я не знал бы, что предпочесть. Иногда эта формула бывает очень кстати: «Между двумя мое сердце колеблется». Это всего лишь образ. Могучее величие Нила или элегантность Сены, фелуки или глиссеры. И я решил предпочесть, я выбрал Каир, я остаюсь верен этому второму «я», о котором пишет Верлен, мечтая о газелях. История и География этого хотели. В сердце моем нет места терзаниям, вот только не знаю теперь, кому посвятить эту страницу.

Париж — это город лишь зимой. Я люблю его в минуту хмурой меланхолии, в момент, когда загораются окна домов. Париж рассказывает о своих каникулах, говорит о модном курорте Лаванду и курит сигарету в фойе кино. Продавцы каштанов, я узнал о них еще тогда, когда писал упражнения по французской грамматике. Как мне рассказать об этих бистро и их стойках, за которыми так хорошо мечтается, об этих девушках, что очень красивы, о луне, глаза которой не стынут в облаках. Я поклялся себе во времена ночей страха, злой обиды, оскорбления и пыток никогда больше не возвращаться в Париж. У меня было сто тысяч причин для этого. Но я переосмыслил свою злопамятность. Париж — все-таки Париж, Париж, несмотря ни на что. Божество мое, Париж, сколько же нужно было тебе таланта, чтобы выжить во времена этого дурного вкуса черных лет, рук, поднятых к стене при расстрелах, комендантского часа, который начинался в восемь часов вечера в городе-светоче. Божество мое, Париж, сколько же нужно было тебе таланта, чтобы пережить эти изъяды вкуса, этот плохой французский язык...

Париж песни, которую слышишь мимоходом, слова на тротуаре, лица, увиденного мельком на станции «Гренель». Париж доброго угла и доброго красного вина, и твоего силуэта на улице Бюси...

Париж — это город, который я покидаю без сожалений, но с которым встречаюсь с радостью.

* * *

Странные повороты и слияния рек, жизнью, все, казалось бы, зависит от капризов судьбы, а между тем, о боже, какая логика... Ибо География уже уступает место Истории. Ничто не бывает менее чудесным, чем случай. И берега встречаются, вопреки пространствам, что, разде-

ляя, держат их в заточении. Каир, Париж и Константинополь. И особенно Константинополь. Нил, Сена и Рюммель. И особенно Рюммель.

Горизонты расширяются и открываются.

Константинополь — это шедевр!

И да простит мне Алжир, наша столица, имя которой я хотел бы сделать именем человека. Да простит мне Тлемсен, чья грация звенит в ритмах прошлого, о котором рассказывают его каскады. Да простят мне Батна, Аннаба, Скикда, Уаргла... У моей страны есть талант. У каждой страны есть талант. Но все-таки нужно решиться выбрать, выбрать без предпочтения, основываясь только на инстинкте, на верности, которую не выразишь словами.

Константинополь чарует и удивляет меня, я всегда вижу ее как будто заново. Парадокс этот всего лишь кажущийся, я возвращаюсь в Константинополь всегда впервые.

Здесь, в долине, сверхъестественным силам пришлось смириться. Но Рюммель так никогда и не признал себя побежденным. Рюммель — и в этом его драма — не может подняться до уровня своих стремлений. Он покоряется неизбежному и уходит. Но презирает мосты. Мечет громы и молнии. Он не смог утвердиться и потому оставил свои следы. Он оставил свой автограф на моем городе. Ему потребовалось для этого немало времени, но как мало значит время.

И еще. Улицы Константинополя. И лиризм Константинополя. И аисты Константинополя. И имена, много имен, чтобы переименовать все улицы. Бен Бадис, Ахмед Реда Хуху, и ты, Саид, и ты, мой брат, Алжирец Такой-то...

Другого объяснения нет рыданиям и гневу Рюммеля.

Там, где некогда Ламорисьер⁴ изодрался в уничтожении здравого смысла, сегодня в моем городе, свободном и освобожденном, могилы свидетельствуют о возрождении миров.

И я знаю, почему аисты, пролетая над площадью Павших Борцов, бьют крыльями. Это дань прошлому и вера в будущее. Они салютуют моему знамени.

* * *

Баллада на трех нотах, паломничество в самое сердце мечты и действительности, три реки рассказали мне о значении капель воды. Три реки, как три фразы, три главы.

Симфония не окончена. Нужно было бы воздать почести всем рекам мира.

Нужно было бы пересчитать все капли воды. Чтобы лучше познать слезы.

Чтобы лучше познать кровь.

Чтобы лучше познать пот.

Чтобы лучше познать слезы, кровь и пот людей.

И еще, чтобы лучше познать тот ручеек, о котором я ничего не сказал и к которому иногда я хожу, чтобы черпать в нем лунный свет.

Перевела с французского
Н. Световидова

³ Тлемсен, Батна, Аннаба, Скикда, Уаргла — города в Алжире.

⁴ Ламорисьер — французский генерал-колонизатор.